

Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

Ольга Германовна Жукова

Русский Сцевола.
Скульп. В.И. Демут-Малиновский.

...По прошествии десятилетий и даже веков Отечественная война 1812 года стала забываться. Сегодня эту войну многие соотечественники воспринимают как задорный и полный комедийных ситуаций водевиль «Гусарская баллада» с удалыми и бесшабашными русскими гусарами, милыми барышнями и французскими певичками «вне войны и политики», с душками-французами, полными рыцарского благородства испанцами и, конечно, весёлой музыкой. Возможно, и события Великой Отечественной наши потомки когда-нибудь будут себе представлять по фильмам «Женя, Женечка и «Катюша» да «Крепкому орешку». Но стоит углубиться в изучение мемуаров участников войны 1812 года, их письма, дневники, как приходит понимание, что и у той войны была страшная, горькая правда, о которой многим захотелось забыть, как только война была окончена.

И вскоре уже Наполеон стал кумиром значительной части «офранцузившегося» русского высшего общества. А уж через сто лет «корсиканское чудовище», «коронованный корсиканец» и даже «антихрист» превратился во многих образованных русских умах в «великого воеводу», «величайшего полководца», «великого человека» и «великого корсиканца». Подобное, близкое к восторгу, общественное мнение подкреплялось и с политических, и с экономических позиций — Франция к 1912 году была не только союзницей России, но и главным её... кредитором. А портить отношения с кредитором совсем не с руки...

Приближался 100-летний юбилей Отечественной войны. Центром юбилейных торжеств, естественно, стало Бородинское поле. К нему из Москвы была проложена шоссе́нная дорога, отстроен железнодорожный вокзал.

Дискуссии

К юбилею, как всегда это у нас бывает, в Подмоскowie привели в порядок могилы, поставили обелиски, построили храмы, часовни... Но не только Первопрестольная оказалась сильна на оригинальные идеи почтить историю...

«Председатель виленского кружка ревнителей памяти старины 1812 года Бернацкий, изучая историю Отечественной войны и делая в этом направлении исследования... пришёл к заключению, что в самом городе Вильне было погребено около 50 000 французских тел, а в пределах виленского округа около 300 000, причём могилы героев (да-да, «героев»! — *О.Ж.*) совершенно забыты и на них ни одного памятника.

Г. Бернацкий минувшим летом, во время своей поездки в Петербург, сообщил о вышеизложенном французскому посольству. Ныне, как уведомили г. Бернацкого французские власти, в Париже образован особый комитет, в состав которого входят военный

министр и министр иностранных дел, внук маршала Нея, художник Деталь и прочие лица. Делегатом этого комитета в Россию назначен атташе при французском посольстве полковник Матон. Полковник Матон письмом известил председателя виленского кружка г. Бернацкого, что вышеозначенный французский комитет решил (да-да, именно «решил», а не «попросил», к примеру. — *О.Ж.*) воздвигнуть в память павших в России героев 1812 г. три памятника, а именно: в Бородине, в Смоленске и в Вильне» [1].

Почему-то накануне юбилейных торжеств никто не вспомнил, что случилось с трупами солдат «великой» армии, рассеянными на каждой версте старой Смоленской дороги от самой Москвы до русских границ. А ведь их просто безглаголиво сжигали, и дело далеко не только в трупном зловонии. О других причинах по-военному честно и жёстко написал будущий шеф российской жандармерии русский немец Александр Христофорович Бенкендорф:

Незваные гости. Худ. Зворыкин. 1911 г.

О.Г. Жукова. Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

«Враг запятнал себя воровством, грабежом и насилием. Посему армия его — Сила Зла. Враг жжёт иконы и рушит Церкви. Посему армия его — от Врага Рода Нашего...»

«Трогательная мысль почтить одновременно память русских и французских участников славной войны нашла сочувственный отклик во Франции. На народные пожертвования, собранные комитетом «Souvenir français», был сооружён памятник» [2], — писала российская пресса о мемориале, подготовленном для Бородинского поля. Более того, оказывается, именно на французского военного атташе Матона «послом возложена обязанность *руководить* (да, «руководить»! — О.Ж.) предстоящими юбилейными торжествами в Бородине» [3].

Обелиск в Бородино должен был быть возведён на месте, где в 1812-м располагалась французская артиллерия — близ Шевардинского редута. Памятник заказали скульптору Полю Бесенвалю. Он представлял собой пирамидальную колонну из бургундского гранита, высотой в три сажени, увенчанную бронзовым орлом. На пьедестале, поддерживающем колонну, высечена золотыми буквами надпись: «Aux morts de kf Grande Atmee. 7 sentembre, 1812» — мёртвым *Великой* (да-да! — О.Ж.) армии». Весил монумент 47 тысяч килограммов. Но тут в планы французских союзников вмешалось Провидение или столь «возносимый» когда-то Наполеоном Рок.

10 августа французское посольство получило от автора памятника телеграмму, в которой сообщалось, что через день на пароходе он вместе с памятником, ввиду своей громоздкости распиленным на две части, отправляется в Россию из Сэн-Морис-ле-Шатонеф, в департаменте Сены и Луары, в Антверпен, а затем — в Петербург.

20 августа пришло телеграфное сообщение из Копенгагена: «Возле Броуэрсгавена и Оуддорна к берегу были прибиты лодка, несколько спасательных поясов и обломки корабля. Лоцман, ведший корабль, не вернулся во Флигссинген. Пароход принадлежал «Объе-

динённой компании пароходства» в Копенгагене. Экипаж состоял из 20 человек» [4].

...В день всенародного ликования на Бородинском поле был открыт муляж памятника «мёртвым великой армии». Русская пресса так откликнулась на это событие: «Против Шевардинского редута поставлена в натуральную величину деревянная модель французского памятника... Модель облеплена гипсом и окрашена серой краской, причём сделано это так искусно, что деревянный памятник производит впечатление настоящей гранитной глыбы» [5].

И в Петербурге торжества «примирения сторон» прошли на высоком уровне. Во время визита французского председателя совета министров, министра иностранных дел Г. Пуанкаре председатель Совета министров Российской империи статс-секретарь Коковцев и министр иностранных дел гофмейстер Сазонов «имели с ним неоднократные, продолжительные совещания. При этом оба правительства имели случай отметить существующие между ними полное согласие и большую, чем когда-либо, прочность тех уз, которые связывают оба народа. Единение обеих держав остаётся по-прежнему драгоценным залогом сохранения мира и равновесия в Европе» [6], — писали журналисты. И ни слова о Великой Победе! И повсюду — щиты с французским триколором! Политкорректно?!

В день отплытия из Кронштадта судна «Конде», на котором и прибыли французские официальные лица, ими был дан званый завтрак: «Первым говорил Пуанкаре, он поднял бокал за Государя Императора, Государынь Императриц, Наследника Цесаревича и Царствующий Дом. Ему ответил В.Н. Коковцев, предложивший тост за процветание Франции и её президента Фальера» [7]. Снова — ни слова об историческом поводе визита.

И вот «Конде» развёл пары. В 6 ч. 8 мин. гремят якорные цепи, «Конде» даёт ход. Моросит балтийский занудный дождик. В море — туман. «Конде» салютует. *Ответный залп в честь гостей даёт крейсер... «Аврора».*

Дискуссии

Около 7 часов крейсер «Конде» скрывается в тумане. До исторического зала «Авроры» остаётся 5 лет...

Сколько мистических совпадений! Когда прах поверженного корсиканца было решено вернуть из ссылки в Париж, для него было уготовано самое роскошное «обрамление». В Доме инвалидов соорудили величественный мемориал, гроб Наполеона покоился отныне среди знамён, пропахших дымом прошедших битв, но *это был... русский гроб!* Да, с известной долей иронии можно сказать, что русские в буквальном смысле загнали императора в гроб, ведь его саркофаг сделан из монолитного куска финского красного гранита, специально подаренного Россией Франции. И, возможно, не так уж важно тогда, что на полу крипты, кругом пьедестала русского гроба гравированы названия восьми победных сражений императора: Rivoli Piramides Marengo Austerlitz Jena Fridlahd Wagram Moskova. Тем более что и тяжкий крест свой (опять в буквальном смысле) император нашёл именно в Москве.

Очевидцы русского похода свидетельствуют, что, когда Наполеон отдал приказ собрать особо значимые трофеи для вывоза в Париж, к нему явились поляки. Стали наперебой рассказывать, что *главная русская святыня — колокольня Ивана Великого*. И про старинное московское суеверие — стоит Москва, покуда возвышается над ней крест на золотом куполе колокольни, — не преминули добавить. *Велел тогда император крест с колокольни снять, а саму её взорвать*. Да несладко вышло. Колокольня от взрыва устояла, только трещину дала, а крест оккупанты тащили почти до самой русской границы, да бросили, когда из последних сил выбились. А какое хорошее место тому кресту Наполеон в Париже предначертал — на куполе того самого Дома инвалидов, где позже сам возлёг в гробнице из камня, русским царём дарёного...

...Идут годы, всё более отдаляются от нас события Отечественной войны 1812 года и всё более нелепые объяснения причин пораже-

ния «великой» армии и «великого полководца» находит современное мировое сообщество. Ему уже мало извечных ссылок всех неудачных захватчиков России на некоего «генерала Мороза», оно обнаруживает на «русском театре военных действий» всё новых и новых безжалостных к оккупантам персонажей, например, «генеральшу Летнюю пыль» и «генеральшу Осенне-весеннюю распутицу» и самая непримиримая из всех — «генеральша Плохая дорога».

Но французские учёные недавно выяснили, что более других в гибели предков оказалась виновата «генеральша Вошь», нет, не русская, а «чистокровная европейка». Статья об этом из The New York Times — «Проблема Наполеона — вишвая армия» опубликована на сайте «ИпоСМИ». «Мы смогли идентифицировать объекты, по размеру и внешнему виду соответствующие останкам вшей, — рассказал доктор Дидье Рауль (Didier Raoult)... — чтобы доказать, что это действительно вши, мы провели их генетическую идентификацию» [8]. Таким образом, французские учёные-«патриоты», эксгумировав останки пяти (!) вшей образца 1812 года, пытаются доказать, что треть (!) наполеоновских войск приняла смерть не от воинов русских, а от вшей... французских, разносивших инфекционные заболевания. Очевидно, «сенсация» была призвана умалить подвиг наших предков, гнавших супостатов до самого Парижа, но на самом деле эта информация лишь приносит весьма характерный штрих к портрету «цивилизованных» европейцев.

Ведь русские «варвары» хоть и были знакомы с этой «генеральшей» (куда ж от неё в окопах денешься?), но зато знали, как с ней бороться. И именно те же «дедовские» методы были хорошо известны советской санитарной службе — прожарка белья, помывка личного состава. Тогда как немецкие санитары рекомендовали оккупантам почаще... вытряхивать своё бельё и обсыпаться малодейственными ядовитыми порошками. Немецкий офицер Отто Рюле, служивший в санитарной роте, вспоминал, как в конце мая 1942 г. командир роты капитан Людерс

О.Г. Жукова. Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

прочитал солдатам целую лекцию о различных эпидемиях: «Лучшая профилактика в борьбе против сыпного тифа — это уничтожение насекомых, — поучал нас командир роты. — Именно поэтому я и приказываю вам ежедневно осматривать всё своё бельё. Кто не будет делать этого, тот подвергает свою собственную жизнь и жизнь своих товарищей опасности» [9].

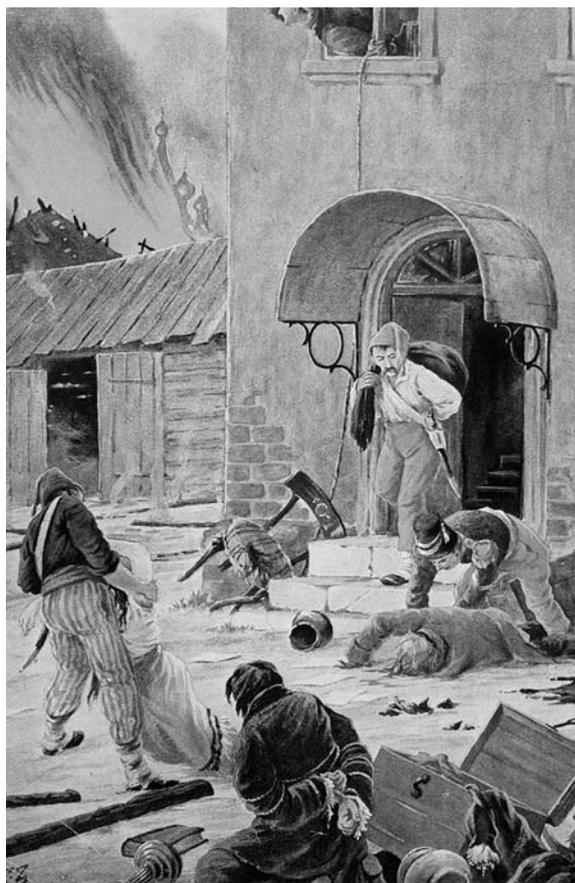
Шёл май 1942-го, немецкие войска уже почти год вели военную кампанию в России. Командир санитарной (!) роты впервые (!) занялся ликвидацией санитарно-гигиенической безграмотности вверенного ему подразделения, называя примитивное стряхивание одежды «лучшей профилактикой» против сыпного тифа!

...С событий Великой Отечественной войны с фашистской Германией прошло лишь 70 лет, но уже сегодня кое-кто начинает торговаться... Гитлером. Млеть от одного вида ржавой и полустлевшей фашистской атрибутики, во множестве поставляемой на коллекционный «чёрный рынок» «чёрными» же копателями. Что будет с памятью народной ещё лет через тридцать? Неужели «залечимся» окончательно? Не испытываете ли Вы, дорогой читатель, некоего, как говорят французы, дежавю, сравнивая последствия двух отечественных войн? Ведь не только французам свойственно это мистическое чувство.

...В 1876 г. французский психолог Эмиль Бурак в книге «Будущее психологии» ввёл в научный оборот термин *дежавю* (*déjà vu* — «уже виденное»), обозначив им такое психическое состояние, при котором возникает ощущение, будто бы только что сложившаяся жизненная ситуация уже когда-то была прожита человеком во всех её подробностях и деталях. А также сходные понятия — *déjà vécu* («уже пережитое»), *déjà entendu* («уже слышанное»), *déjà baisée* («уже опробованное»). И противоположный термин — *жамевю* (*jamais vu*) — «никогда не виденное». Состояние, когда человек в привычной обстановке чувствует её новизну и непривычность.

Вскоре эти понятные только французам слова стали международными терминами, а лучшие умы мировой психологии внесли свою лепту в изучение феномена. Фрейд, в рамках своей излюбленной концепции, посчитал его проявлением подавленных желаний, говоря, что при дежавю наступает «дереализация» личности — как бы отрицание её реальности. Бергсон определил дежавю как «воспоминание о настоящем», уверяя, что восприятие реальности в этот момент внезапно раздваивается и отчасти переносится в прошлое. Юнг предполагал, что корни явления лежат в коллективном бессознательном.

Пожалуй, именно трактовка Карла Юнга наиболее подходит для осмысления почти мистических параллелей (дежавю) в ходе двух величайших в истории России войн — с Наполеоном и «дванадесять» языками

Пожар Москвы. Неизвестный художник. 1810–20-е гг.

Дискуссии

в 1812 году и с Гитлером и его европейскими сателлитами в 1941–1945 годах. Но в истории двух войн существуют, продолжая говорить языком математики, не только параллели, но и перпендикуляры (или, скажем, жаме-ню). Но самое настораживающее — через годы после завершения отечественных войн общество переживает сходные процессы, и коллективное бессознательное целых народов вновь испытывает *дежавю*...

Чего больше в этих процессах? Мистики или подтверждения законов общественного развития? Попробуем провести параллели и перпендикуляры... И начнём с того, что в 1812-м в рядах армии Наполеона наравне с французами вступили в пределы России их союзники — представители многих германских земель, Пруссии, Австрии, Польши, Испании, Италии, Швейцарии. А в 1941-м среди фашистских орд оказались финны, итальянцы, румыны, венгры, поляки, французы...

Вспоминая дни битвы за Москву в 1941 году, генерал Блюменстрит писал: «Каждому солдату немецкой армии было ясно, что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть. Если здесь русские нанесут нам поражение, у нас не останется больше никаких надежд. В 1812 г. Наполеону всё же удалось вернуться во Францию с жалкими остатками своей разгромленной Великой армии. В 1941 г. немцам оставалось или выстоять, или же быть уничтоженными. В то время русская пропаганда сводилась к разбрасыванию с самолётов листовок со скучным, грубо выполненным изображением покрытых снегом русских степей, усеянных трупами немецких солдат. Эта пропаганда не производила должного впечатления на наши войска. Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали мощной атаки противника, сильного мороза и метели. Таких испыта-

ний им ещё никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через несколько дней он был отведён в тыл и отправлен на Запад» [10].

Казалось, теперь уже германские памятливые идеологи пытались отогнать от себя прочь навязчивые наполеоновские дежавю не в свою пользу, но риторика их документов была весьма близка наполеоновской.

Приказ командующего 17-й армией генерал-полковника Хота от 17 ноября 1941 года относительно основных принципов ведения войны гласил: «Поход на Восток должен закончиться иначе, чем, например, война против французов. В это лето нам становится всё яснее, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом в основном еврейских интеллигентов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей, не представляющей ценности, жизнью.

Сильнее, чем когда-либо, мы верим в исторический поворот, когда к немецкому народу в силу превосходства его расы и его успехов перейдёт управление Европой. Яснее сознаём мы наше призвание спасти европейскую культуру от азиатского варварства. Теперь мы знаем, что нам предстоит бороться с озлобленным и упорным врагом. Эта борьба может закончиться только уничтожением той или другой стороны; никакого соглашения быть не может. Я требую, чтобы каждый солдат армии проникся гордостью за наши успехи, чувством безусловного превосходства. Мы господа этой страны, которую мы завоевали.

...За повседневностью нам не следует терять из виду всемирное значение нашей борьбы против Советской России. Русская масса уже в течение двух веков парализует Европу.

О.Г. Жукова. Дежавю и жамявю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

Необходимость принимать во внимание Россию и страх перед её возможным нападением постоянно довели в политических отношениях в Европе и тормозили мирное развитие. Россия — не европейское, а азиатское государство» [11].

...Когда в июне 1812 года одноплеменный психолога Э. Буарака французский император Наполеон отдал приказ своим войскам перейти границу Российской империи, о дежавю не знали даже французы. Но полный мистических предчувствий полководец изрёк, что «рок влечёт за собой Россию: её судьбы должны совершиться», и чувствовал себя вершителем этих судеб.

Русский император Александр I 13 июня написал «Высочайший рескрипт» на имя Председателя Государственного Совета и Комитета графа Николая Ивановича Салтыкова: «Французские войска вошли в пределы нашей Империи; самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства... Все старания Мои были безуспешны... Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем ещё времени миролюбивых обещаний» [12].

22 июня 1941 года вряд ли кто-нибудь во всём СССР вспомнил строки старинного императорского документа, но в выступлении по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова, на удивление, прозвучали одни и те же слова!

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о нена-

падении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей. ...ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчёт несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта» [13].

В этом же заявлении советского правительства прозвучала и прямая историческая аналогия: *«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны...»*

Вспоминал Отечественную войну 1812 года в своём выступлении по радио 3 июля и Сталин: *«История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками...».*

«Высочайший рескрипт» императора Александра I констатирует: *«Император Наполеон в уме своём положил разорить Россию».*

«Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полей наших потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом», — словно дополняет императора генсек ВКП(б).

«И потому не остаётся Мне иного, как отражение силы силою», — объясняет русский император.

Дискуссии

«Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом», — вторит Александру Сталин.

Говоря о русских людях, император России отмечает: *«Будучи с недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственной им твёрдостью и мужеством».*

«Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растёт. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ», — говорит Сталин.

«Провидение благословит праведное наше дело обороны Отечества. Сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколь ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моём», — подводит итог Александр.

«В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, под-

нять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом», — заключает И. Сталин.

«Праведное наше дело обороны Отечества» на удивление сходно с лозунгом Великой Отечественной: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Так с первых дней «второй Отечественной» её ход во многих деталях совпал с событиями «первой». От повсеместной организации народного ополчения и партизанских отрядов до триумфального разгрома врага в его логове в центре Европы, до извечной российской милости к побеждённым...

Исторические аналогии в ходе двух войн усматривали и гитлеровские вояки, неоднократно вспоминая о событиях 1812 года в дневниках, письмах, мемуарах.

Если бы гитлеровские стратеги и тактики осознали тогда, что предстоит им пройти «по следам

Дивизия Пино. 16 июля 1812 г. Литография по рисунку А. Адама. 1830 г.

О.Г. Жукова. Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

Наполеона» в оба конца пути... Но пока их ещё не покидала уверенность, что судьба окажется к ним благосклоннее, а некоторое дежавю даже, по воспоминаниям Блюменстрита, забавляло: «День «Д» был наконец-то назначен на 22 июня, что почти совпадало с началом похода Наполеона в 1812 г.» [14].

У городка Борисов на реке Березине завоеватели «обнаружили следы армии Наполеона. В нескольких километрах севернее Борисова Великая армия Наполеона вынуждена была зимой 1812 года форсировать замёрзшую реку, и понесла ужасные потери. Когда воды в реке мало, до сих пор видны опоры мостов, некогда построенных французскими сапёрами» [15].

...«На этом походе царит радость и веселье; итальянским войскам присуще в высшей мере самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнование и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают зато, что идут они в защиту справедливости; им даже неинтересно разузнавать, куда именно их отправляют... Но какова же цель нашей прогулки? Ничего об этом не знаю... Солдаты живут весело, нимало не думая о том, будут ли они воевать с Россией или Персией...» [16] — писал в дневнике накануне наполеоновского вторжения в Россию итальянский офицер на французской службе Цезарь Ложье.

Рядовой 233-го пехотного полка К. Франк вспоминал в письме из госпиталя предвоенные дни июня 1941 г.: «Мы не знали, куда направляемся. Первоначально нам было указано направление на Польшу, а затем — Восточную Пруссию. Но к 19 июня мы подошли к русской границе. Каждый из нас задавался вопросом, что мы здесь ищем? Начали говорить, что в России нас погрузят и повезут в Ирак, чтобы вместе с русскими ударить под коленки англичанам...» [17].

О расстановке сил в мире, о возможном ходе войны против России, в которую вновь оказалась втянутой вся Европа, задумывались и на советской стороне. Журналист, литератор, в прошлом — друг С. Есенина, Николай Верж-

бицкий писал в дневнике: «Тяжело молчать и тяжело говорить о том, что происходит. А происходят события огромнейшего исторического значения. На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов?» [18].

По воспоминаниям барона Антона Дедема, голландца по происхождению, европейские войки, оказавшись на русской стороне реки Неман «испустили громкие крики радости, которые привели меня в ужас; они как будто хотели сказать: «Теперь мы на неприятельской земле! Наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться за счёт жителей!» Ведь до сих пор начальство удерживало солдат от мародёрства, говоря: «Когда мы будем на русской земле, вы будете брать всё, что захотите» [19].

На закрытом совещании 16 июля 1941 года Гитлер заявил: «Мы не должны раскрывать перед всем миром наши цели. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим... Итак, в принципе речь идёт о том, чтобы правильно разрезать гигантский пирог, чтобы во-первых, овладеть им, во-вторых, управлять, в-третьих, эксплуатировать» [20].

В 1942-м министр пропаганды Й. Геббельс в журнале «Дас рейх» упростил мысль фюрера, донеся до немецкого обывателя: «Нельзя вечно бороться за идеалы, когда-то нужно, наконец, получить награду. Война ведётся за хлеб, за стол, накрытый для завтрака, обеда и ужина,.. война за сырьё, за резину, железо и руды... На необозримых просторах Востока колышутся жёлтые колосья, которых достаточно и сверхдостаточно, чтобы прокормить наш народ и всю Европу... Это и есть цель нашей войны» [21].

Итак, «ввязавшись в драку», можно было уже не скрывать своих истинных целей, не прикрываться красивыми словами об

Дискуссии

извечной борьбе всего «цивилизованного» Запада с «варварским» Востоком, не рассказывать баек о великой «цивилизаторской» миссии Европы в отношении России.

А среди населения Советского Союза ложные представления о неизменном «благородстве» и необыкновенной «цивилизованности» европейского врага были, на удивление, живучи и весьма напоминали рассуждения провинциальных русских барыnek начала XIX в., воспитанных на сентиментальных заграничных романах, в совершенстве владеющих европейскими языками, но с ошибками пишущих на языке родном.

Английский дипломат Родрик Брейтвейт в книге, посвящённой битве за Москву, приводит такой яркий пример: художник Александр Осмёркин однажды сказал своей соседке Раисе Лабас: «Рая, я слышал, ты собираешься бежать из Москвы? Да ты что, сдурела? Прости, конечно, за резкость, но к кому и от кого ты бежишь? Неужели ты веришь нашей дешёвой пропаганде? В Киеве немцы установили эсеровское правительство. Они покровительствуют искусству. Это же культурнейшая нация Европы. Убеждён, что они не будут преследовать таких, как мы с тобой...» [22].

Где было знать далёкому от политики художнику о том порядке, который уже устанавливал враг на оккупированных территориях...

Меж тем, в дневнике бывшего посла Ульриха фон Хасселя, будущего участника покушения на Гитлера в июле 1944 года, есть запись, датированная 18 августа 1941-го: «Вся война на востоке ужасна, всеобщее одичание. Один молодой офицер получил приказ уничтожить согнанных в большой сарай 350 гражданских лиц, среди которых были женщины и дети, сначала отказался это делать, но ему было сказано, что это невыполнение приказа, после чего он попросил 10 минут на размышление и, наконец, сделал это, направив совместно с некоторыми другими пулемётные очереди в открытую дверь сарая в толпу людей, а затем, добывая ещё живых из авто-

матов. Он был настолько потрясён этим, что, получив позднее лёгкое ранение, твёрдо решил не возвращаться на фронт» [23].

На оккупированных землях Наполеон тоже пытался насадить новый порядок. Э. Лабом пишет, что Наполеон по образцу Франции «разделил захваченные земли на префектуры, назначил инспекторов, сборщиков, частных приставов и особенно интендантов ради ускорения взноса его многочисленных реквизиций... предлагал оружие всем крестьянам, желавшим восстать против своих господ, и старался вызвать гражданскую войну между дворянством и народом»... [24] Стремясь вбить клин между народами России, Наполеон лицемерил, лояльно относясь к мечтам поляков и литовцев о независимости, и даже обещал создать суверенное государство для казаков.

Ту же карту — разжигание межнациональной и социальной розни пытались разыграть фашисты в 1941-м. Альфред Розенберг в речи от 20 июня 1941 года о политических требованиях в предстоящей войне против Советского Союза сказал о народах СССР: «Задачу нашей политики, мне кажется, надо видеть в том, чтобы разумно и целеустремлённо поддерживать стремления к свободе всех этих народов и привести их к совершенно определённой государственной форме, т.е. органически выделить из огромной территории Советского Союза государственные образования (республики) и организовать их *против Москвы*, чтобы освободить германский рейх на грядущие столетия от восточного кошмара» [25].

«Новый порядок», по Гитлеру оказался ещё жёстче и кровавее для оккупированных территорий, чем во времена наполеоновского нашествия. Хотя и мемуаристика первой Отечественной изобилует свидетельствами казней непокорных русских, «посмевших» оказать сопротивление врагу — от смоленского помещика Энгельгардта, собравшего партизанский отряд, до московского священника отца Иоанна, пытавшегося защитить от разграбления свой храм в Серебряниках...

О.Г. Жукова. Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

Петербургский чиновник почтамта И. Оден-таль писал лично секретарю московского градоначальника Ф. Ростопчина А. Булгакову: «Французы делают ужасы в городах, где они обитают... Удивляюсь, что французов берут живых в плен. Это суцая зараза, которую вводят вовнутрь России. Я могу сие говорить по верным сведениям, которые имею чрез спасшихся от истязаний варваров. Изверги сии напитаны таким духом, что их больше ещё должно опасаться пленных, нежели сражаясь с ними»... [26].

Булгаков же отписал Оденталю о событиях в оккупированной Москве: «Из оставшихся домов нет ни единого, который не был бы разграблен. Церкви осквернены, обруганы, обращены в конюшни. Из Чудова выгнали мы лошадей, в Благовещенском соборе навалена бездна бумаги, на которой вам пишу, были бутылки, стояла бочка с пробками, мощи изувечены частью, частью же расхищены. Дмитрию-царевичу отрубили руки и голову... Девочки десяти лет изнасильничены на улицах. У женщин, которые имели кольца на руках, обрубали пальцы со словами: «cela va plus vite comme cela!» (так будет быстрее, чем иначе)» [27].

...Именно в 1812 году в оккупированной Москве был создан управляющий орган, доселе на Руси неслыханный — «муниципалитет», а город возглавил человек с неблагозвучной для русского уха должностью — «мэр». По свидетельству «московского француза» Ф.Ж. де Изарна, помимо своей воли назначенный городским головой купец Пётр Иванович Находкин огорошил французского «начальника» Лессепа чистосердечным признанием: «Ваше превосходительство! Прежде всего, я, как благородный человек, должен сказать вам, что не намерен делать ничего, противного моей вере и моему государю» [28].

История Великой Отечественной войны изобилует как примерами удивительной стойкости одних советских граждан, отказывающихся идти на службу к оккупантам даже под угрозой расстрела, так и сюжетами морального падения иных, по принуждению, а то

и добровольно занявших должности старост, полицаяв, служащих оккупационных комендатур. Но всё же примеров стойкости духа народного было многократно больше, раз в декабре 1941 г. произошёл у немцев первый «сбой сценария».

Ведь большинство москвичей — от рядовых граждан до членов правительства, ещё в октябре 1941-го «пришли к заключению, что остаётся только оставаться»... [29]. И не пришло Гитлеру, в отличие от Наполеона, оказаться в кремлёвских стенах: «Казалось, Москва вот-вот падёт. В группе армий «Центр» все стали большими оптимистами. От фельдмаршала фон Бока до солдата все надеялись, что вскоре мы будем маршировать по улицам русской столицы. Гитлер даже создал специальную сапёрную команду, которая должна была разрушить Кремль» [30], — вспоминал генерал Брюменстрит. Увы и ах, не удалось бездарному режиссёру сотворить эффектное дежавю для жителей столицы...

И хоть германское радио трубило в те дни, что германские войска уже видят Кремль в бинокль, москвич Н. Вержбицкий на страницах своего дневника приводит разговор от 14 декабря со знакомой, живущей на далёкой московской окраине, за Савёловским вокзалом: «Обычно выйдешь ночью — вся столица погружена в абсолютный мрак, и кругом ничем не нарушаемая тишина (за исключением тех часов, когда бомбёжки). А с первых чисел декабря, если хорошо прислушаться, то с севера доносился гул, ровный, без отдельных ударов, сплошной гул далёкого боя. И всю ночь без устали лаяли собаки. (Это было в те дни, когда писалось в германской сводке: «Через хороший бинокль можно видеть центр Москвы».) После 11 декабря собаки лаять перестали, и гул прекратился» [31].

«Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение... Что такое русская распутица, невозможно рассказать человеку, который сам никогда не сталкивался с ней. В этом уголке мира проложено всего

Дискуссии

несколько шоссе́йных дорог. Вся территория страны покрывается непролазной липкой грязью. Пехотинец скользит на размокших от воды дорогах. Чтобы тащить орудия, нужно впрягать много лошадей. Все колёсные машины глубоко погружаются в вязкую грязь. Даже тракторы передвигаются с большим трудом. Много тяжёлых орудий застряло на дорогах и поэтому не было использовано в Московской битве. Танки и другие гусеничные машины часто засасывало грязью» [32], — жаловался на «роковые» стечения обстоятельств генерал Блюменстрит, вторя, в этом смысле, танкисту Гудериану, «обижавшемуся» на русскую пыль, «как нарочно» забивающую моторы немецких танков и мороз, стущающий некачественное «эрзацное» топливо.

«Около 20 ноября погода внезапно испортилась, и уже через ночь мы испытали все ужасы русской зимы. Термометр внезапно упал до — 30°C. Резкое похолодание сопровождалось усиленным снегопадом. Через несколько дней мы с горечью убедились, что началась русская зима» [33], — делился новой бедой Блюменстрит.

«Воспоминание» о «великой» армии Наполеона «преследовало» не только германских генералов, но и советских пропагандистов, которые замечали в истории Отечественной войны другие аналогии с современностью. Журналистский взгляд Н. Вержбицкого приметил, например, такую яркую сцену московской жизни поздней осени 1941-го: «По улице двигаются грузовики с бойцами. Из рупора, зычно: «Ребята, не Москва ль за нами? Умрём же за Москву!» [34].

Воодушевлённый великой историей своей страны, московский школьник Петя Сагайдачный, добровольцем ушедший на фронт и погибший в апреле 1942 года во время разведки боем у хутора Заболотье Калининской области, записал в своём дневнике: «Я, конечно, не стану говорить плакатно-патриотические слова, а просто изложу своё мнение о нынешних событиях. Я глубоко уверен в том, что эта война есть грозное повторение событий 1812 г. То, что немцы взяли Каунас,

Вильно, Белосток, Гродно, Брест, то, что они стёрли с лица земли целый ряд наших городов, и даже то, что наша армия отступает... всё это мелочи в сравнении с тем, что будет дальше и особенно в конце. Жизнь — непрерывная борьба между злом и добром, и, хотя оба эти понятия весьма относительны, я считаю, что результатом нынешней войны будет торжество добра над злом»... [35].

И снова дежавю — вот так же, с чистой душой и помыслами уходили биться с французами юные, высокообразованные русские дворяне и простые, «тёмные» крестьянские парни, но, будучи крепостными рабами своих дворян, не желали становиться рабами врага. Один такой безвестный герой, насильно мобилизованный захватчиками в армию, получив на руку тавро с литерой «N», отрубил тут же себе руку, войдя в историю под именем «русского Муция Сцеволы».

Да и главное «никогда не виденное», т.е. жамевю, отличающее две отечественные войны, надо бы искать именно в том, что в «первую» на просторах русской равнины столкнулись не две монолитные противоборствующие силы, как это было «во вторую», а три — оккупанты, дворяне и крестьяне. Об этом много размышляли в личной переписке русские бары. Некоторые довольно критично оценивали своё недавнее доброе отношение к врагу. А многие даже письма стали писать не на привычном и обиходном французском, а на русском, «дабы любопытное око иностранцев не могло проникнуть содержание»...

27 сентября полковник Преображенского полка Сергей Марин информирует князя Михаила Воронцова из русского лагеря в Тарутино: «...каждый день таскают пленных, и с тех пор, как мы оставили Москву, взято около 10 тысяч, а может, и более. Мужики бьют их без милосердия... Галлам очень худо, и они присылали Лористона, который жаловался на наших мужиков и очень был огорчён, когда светлейший отвечал ему, что мир с ними не в силах заключить и государь, ибо война сделалась народной. Ответы князя

О.Г. Жукова. Дежавю и жамевю отечественных войн России и СССР: свидетельствуют документы

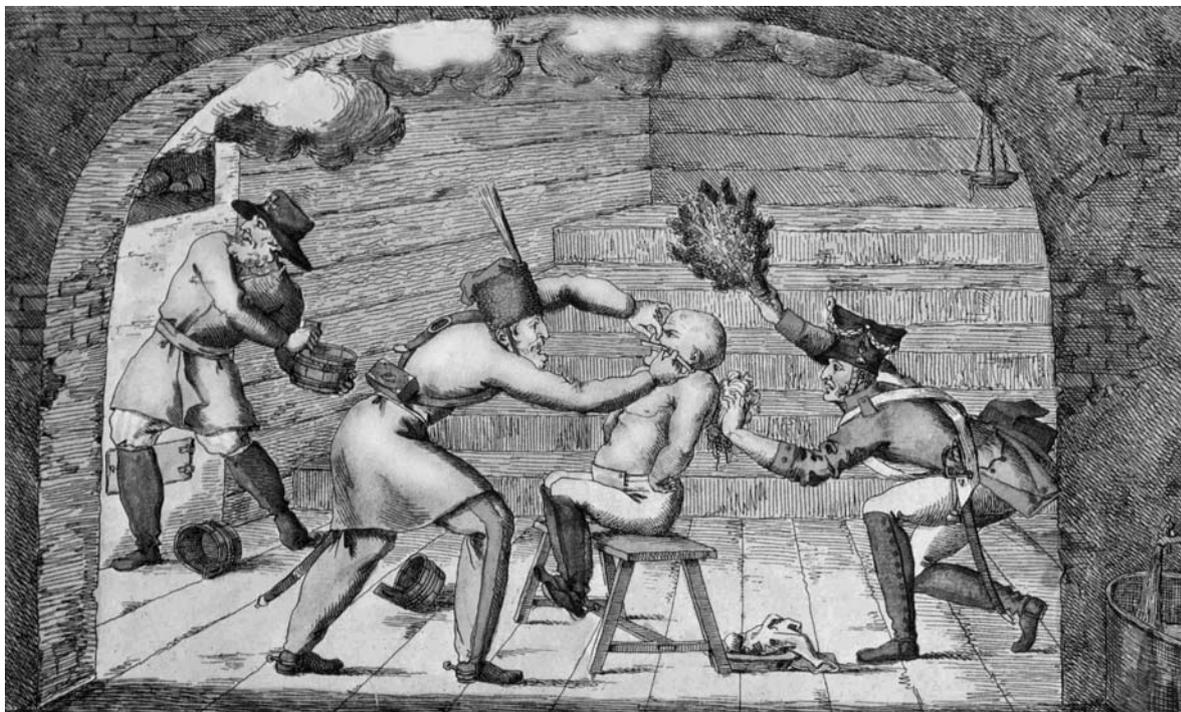
были очень хороши, и, кажется, что поворотили нос мерзкому Бонапартию» [36].

Личный секретарь Ф. Ростопчина Александр Булгаков подводит итог в письме к почтмейстеру Ивану Одентало: «Покорность, храбрость, любовь к отечеству, государю московских крестьян спасли Россию. Москва стоит Наполеону 25 тыс. человек; все козни, коварства злодея были тщетны. Россияне остались непреклонны. Его поморили в Москве с голоду, а как стал посылать в округности фуражировать, то из 100 человек возвращались едва 5 или 10... Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими. Бежит Наполеон, в двое суток сделал он с гвардией 150 вёрст, но и так не далеко уйдёт — мужики бегут за утомлённой его армией. Ужасны и хладнокровны мщени наших крестьян... Я, право, сердце имею доброе, но не пожалею ни об одном»... [37].

Не обойдён вниманием русских корреспондентов и главный виновник войны — Наполеон. Подробную характеристику жестокому

авантюристу дал генерал Николай Раевский в письме из Вильно к графу Александру Самойлову уже в декабре 1812 г.: «Бонапарт много сделал вреда России, а политически — много пользы, ибо теперь уже не должны опасаться его внушений в народе, который его проклинает! Дорого заплатил он за ошибки свои! *И ошибки его не есть ошибки великого воина!*.. Он надеялся, что подобно как в Австрии и Пруссии, будет ему земля повиноваться, и он найдёт продовольствие, считал испугать взятую Москву и заключить мир, полагал взмутить народ и не умел удержать войска от неистовств или, лучше сказать, не смел!.. Его побеждать можно, но он давит числом превосходным — людей не считает ни за что... он триста офицеров своих раненых подорвал в Смоленске и множество солдат. Он уехал уже из-под Вильны, бросаю армию, в трёх каретах с 50-ю человеками конвоя» [38].

Увы, нелестные характеристики «великому человеку и полководцу» давали и его собственные соратники. Врач французской императорской гвардии де ла Флиз откровенни-

Наполеон у русских в бане. Худ. И. Тербенёв. 1813 г.

Дискуссии

чал: «О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была издать как можно более декретов из столицы Русской империи в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестает заботиться о своём государстве, как вездесущее провидение. К сожалению, предметы, избранные для реформ, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления, разных промыслов, как то: булочного, аптекарского и т.д. Этими мелочами он хотел выказать всеобъемлющий гений свой. Между тем, всё это, в сравнении с прежней деятельностью Наполеона, делало его неузнаваемым» [39].

...Терпя неудачу за неудачей, Гитлер всё более походил на Наполеона. Не желая слушать доводы и предложения генералов, одновременно объявлял их виновниками своих провальных решений. Генерал Зигфрид Вестфайль писал, вспоминая разгром немецкой армии под Сталинградом: «Вероятно, Гитлер не выдавал своих истинных чувств даже самым близким людям. Мучили ли его угрозы катастрофы, которая произошла по его вине? Испытывал ли он чувство жалости к сотням тысяч солдат, которых он обрек на смерть или русский плен? Раскаивался ли он в своих поступках? Я думаю, что на все эти вопросы ответ может быть только отрицательным. Он не был одарён способностью разделять страдания других... зато он без конца говорил о своих «бессонных ночах». Все эти лицемерные высказывания были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на окружающих» [40].

Когда русская императорская армия освобождала Европу и продвигалась к Парижу, настроение её воинов было сродни тем чувствам, о которых рассказывали в письмах на Родину советские солдаты в 1944–1945 годах.

Юный подпоручик Василий Норов отписал маменьке: «Мы оставили Россию и идём теперь в иностранных землях, но не для

завладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе... мы идём на Запад с войною для мира. До сих пор мы сражались для спокойствия нашего отечества, теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы» [41].

«Третья сила» — «мужики», «чернь», русские крестьяне, русский народ, воевавший с неприятелем и в рядах регулярной армии, и в партизанских отрядах, — оставила нам, потомкам, изустные сказания: песни-баллады. В народных песнях, даже несмотря на свойственную им сказочную эпичность, война представляется совсем простой, без прикрас, да и правды в них больше, чем в мемуарах официальных лиц, потому что сразу понятно, кого народ считает своим героем, а кого, увы, нет:

*«Наполеон-король пишет нашему царю белому:
«Я прошу тебя, православный царь, не прогноваться.
Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
В своём стольном городе, в кременной Москве,
Господам нашим генералушкам по своим по купцам,
А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!»
Тут наш православный царь крепко призадумался,
Повесил свою буйную голову на белые груди,
Утупил свои очи ясные во сыру землю;
Перед ним-то стоит граф Кутузов,
Он речи говорит, что в трубу трубит:
«Что вы, православный царь, крепко призадумались?
Мы его, собаку, встретим среди поля,
Среди поля, среди Можайского,
Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — гренадёрушковых,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему нальём — зелен порох» [42].*

И на кого же графу Кутузову рассчитывать в «приготовлении угощения» гостям непрошеным? Народ считает так:

*«Наполеон наш, Наполеон
Шёл на Россию, шёл он воевать,
Да он хотел же всем светом владать.
Он хотел же всем светом владать...
Господа же все наши дворяне перьпужались,
Перьпужались, они стоят, они стоят.
Перьпужались, все врозь разбежали, разбежали —
В Москве нету господ никого.*

О.Г. Жукова. Дежавю и жамявю отечественных войн России и СССР: свидетелъствуот документы

*Ой да как один из них не устранился,
Один Платов, Платов-генерал,
Ды донской храбрый, храбрый атаман...» [43].*

И про бои за Смоленск народная молва вот так говорит:

*«Овладели славным городом неприятельски полки,
Уж досталось всё святок неприятельским рукам.
«Как бы, братцы, нам принятъся,
Смоленск-город свободить?
Смоленск-город свободить, неприятеля побить?»
Вдруг послышалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты встрепенилися,
Ружья взявши, в ряды становилися.
Как и вышел перед войско Волконский-князь:
«Ох вы храбрые солдаты, государю верные,
Государю верные, командиру послушные!
Мы пойдём-ко к неприятелям гостить,
К неприятелям гостить,
Смоленск-город свободить!» [44]*

А как разбили француза, так и... пожалели его, горемычного:

*«Разбессчастненькой, бесталанненькой
Француз зародился,
Он сы вечера рано спать ложился
Долго почивать;
Ничего ж ли то я, французик ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки...
Что мене ль то, мене, все французика,
В полон мене взяли;
Посадили мене, все французика,
В тёмную темницу:
Что вот тошно ли мне, все французика,
В темнице сидети.
Если б знал, то бы, знал я, французик ли,
Я б того не делал!» [45]*

«Европейское сознание» русского народа образца 1812 года, плохо себе представляющее пространство Сибири, рисует странный образ далёких российских земель:

*«Граф Платов-генерал
Усю силушку побил,
Он которую побил,
Которую потопил,*

*Остальную его силушку
Он у плен забрал,
Во Сибирь-город сослал» [46].*

Единый советский народ образца 1941 г. хорошо осознавал, что Сибирская земля — обжитая многими и многочисленными поколениями сибиряков — неисчерпаемый ресурс России. И человеческий, и сырьевой, и промышленный. Ещё одно «никогда не виденное» Великой Отечественной кратко описано генералом Блюменстритом: «Из остатков потрепанных в тяжёлых боях армий, а также свежих частей и соединений русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие. Из Сибири пребывали новые армейские корпуса... Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твёрдо решил не сдавать. Всё это было для нас полной неожиданностью...» [47].

...И вот снова дежавю из неприятных — к двухсотлетию юбилею первой Отечественной войны российское общество подошло далеко не монолитным, что не может не тревожить. Кажется, расколото оно, как в 1812-м на небольшой класс очень богатых и на класс подавляющего большинства — бедных и даже нищих? Но пока идеологи, или, как они сами себя теперь называют, политтехнологи, говорят о необходимости поиска некоей объединяющей национальной идеи, общество живёт своими собственными идеями, подчас, весьма оригинальными, но показательными для историков, обществоведов, политологов, психологов.

Из подслушанного случайно разговора двух очень богатых, очень новых и очень русских:

— Прикинь, обедал вчера в ресторане «Наполеон». Офигели совсем, такое название дать! В России!

— Да ты чё? Реально? Чем кормили? Мороженой кониной? Гы-гы.

— Не, французская кухня. Даже лягушки есть...

— Ну, блин, на той неделе буду в Париже, куплю ресторан, назову «Кутузофф»!

Дискуссии

«...Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — гренадёршковых,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему нальём — зелен порох...»

Литература

1. Виленский Вестник. № 2613. 02.03.1912.
2. Петербургский Листок. № 234. 25.08.1912.
3. Виленский Военный Листок. № 626. 02.05.1912.
4. Ведомости С.-Петербургского градоначальства. № 184. 22.08.1912.
5. Петербургский Листок. № 231 23.08.1912.
6. Петербургский Листок. № 212. 04.08.1912.
7. Петербургский Листок № 212. 04.08.1912.
8. См. ИноСМИ <http://www.inosmi.ru/panorama/20060117/224889.html> (дата обращения: 20.07.2012).
9. *Рюле О.* Жертвы Сталинграда. Исцеление в Елабуге. М., 2010. С. 164.
10. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др. Роковые решения, М., 1958. С. 99.
11. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина в 50-летию нападения Германии на Советский Союз, Берлин, 1992. С. 63.
12. Виленский Военный Листок № 537 от 11.06.1911 г.
13. Социалистическое земледелие, 25.06.1941г.
14. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др., Роковые решения. М., 1958. С. 70.
15. Там же. С. 85–86.
16. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 67–68.
17. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2001. С. 44.
18. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 477.
19. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 69.
20. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2001. С. 69.
21. Там же.
22. *Брейтвейт Р.* Москва 1941. Город и его люди на войне. М., 2006. С. 217.
23. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 60.
24. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 74.
25. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию нападения Германии на Советский Союз, Берлин, 1992.
26. К чести России. Из частной переписки 1812 г., М., 1988, С. 58.
27. Там же. С. 157.
28. <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/ZemtsovMoscowMunicipalitet.html> (дата обращения 20.07.2012).
29. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 476.
30. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др. Роковые решения, М., 1958. С. 90.
31. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 494.
32. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др. Роковые решения. М., 1958. С.93.
33. Там же. С. 97.
34. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 477.
35. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2001. С. 64.
36. К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 120.
37. Там же. С. 157.
38. Там же, С. 187.
39. *Де ла Флиз.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г., М., 2003.
40. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др. Роковые решения, М., 1958. С. 201.
41. К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 198–199.
42. Исторические песни. Баллады, М., 1991, С. 589–590.
43. Там же, С. 602.
44. Там же. С. 616–617.
45. Там же. С. 627–628.
46. Там же. С. 600–601.
47. *Вестфаль З., Крейпе В., Блюменстрит Г.* и др. Роковые решения. М., 1958. С. 92.

